

Страшная сказка

الله

رسول
محمد

**«Исламское государство»
(ИГ, ИГИЛ)**

*- террористическая группировка,
деятельность которой запрещена в ряде стран,
в том числе в России.*

*В настоящее время она более
известна как ДАИШ*

Общественная палата
Российской Федерации
CIVIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Подготовлено Общественной палатой
Российской Федерации**

при консультационной поддержке
Антитеррористического центра
государств-участников СНГ

ЗНАКОМЬТЕСЬ. ИГИЛ

- Тебе надоело сидеть в темноте и слушать бесконечные проповеди о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо»? Тебя пугают Исламом, но не объясняют, чего нужно бояться на самом деле? Говорят одно, а делают совсем другое? Ты уже никому не веришь и не знаешь, что делать? Приходи! Мы поможем тебе увидеть истинный Свет.
- Ты хочешь наполнить свою жизнь смыслом? Жить по законам, не навязанным тебе людьми, а данным всему человечеству Свыше? Ты хочешь разобраться во всем и познать, наконец, настоящую Истину? Понять, как все устроено на самом деле? Приходи! Тебя не обманут.
- Тебя замучила несправедливость? Ты негодуешь, глядя на то, как льются реки крови и как одни грабят других? Ты хочешь изменить этот мир к лучшему? Построить страну, где будут настоящие, а не фальшивые Законы, где все будет по Справедливости? Нет дела более достойного! Приходи! Мы думаем так же, как ты.
- Тебя никто не понимает? Люди вокруг слушают только себя, а ты остаешься наедине со своими проблемами, снова и снова? Тебе хочется найти выход, но ты не знаешь, к кому пойти? Ты боишься, что тебе снова сделают больно, и все станет еще хуже? Ты хочешь начать все сначала? Помни: безвыходных ситуаций не бывает. Приходи! Во всем разберемся.
- Ты – настоящий профессионал, но этого никто не замечает? Тебе надоело работать за гроши, зависеть от курсов валют и настроения начальника? Ты чувствуешь, что не нужен своей собственной стране? Предлагаем тебе поучаствовать в нашем международном проекте, где нет лишних людей, где талант каждого находит и применение, и достойную оплату. Наши деньги имеют реальную цену. Вместе мы сможем построить лучшее будущее!
- Ты мечтаешь увидеть весь мир, но не можешь поехать? Тебе надоело сидеть в четырех стенах и на все просить разрешения? Ты можешь отправиться в путешествие, никого не спрашивая. Ты будешь жить в новой стране и ни от кого не зависеть. Если ты хочешь увидеть настоящий Рай на Земле, приходи! Для нас нет ничего невозможного.
- Что ты сделал сегодня для Аллаха? Не привык ли ты, подобно неверующим, смотреть, как этот мир катится во тьму? Помнишь ли ты о своем долге перед Всевышним? Разве не твой долг остановить грех и очистить от него этот мир? Приходи, и мы поможем тебе исполнить свой долг, как и подобает истинно верующим.

МОЙ РАЙ

Мои родители принесли великую жертву ради нас с братом, переехав на север. Они верили, что здесь, в Лондоне, у нас есть будущее. Надо только работать, работать круглыми сутками. Когда становилось совсем тяжело, они говорили друг другу: «Мы увезли своих детей от войны. Они закончат школу и пойдут в колледж». Я всегда помнил об этом. И делал все, чтобы их мечта сбылась. Я гордо нес знамя нашей семьи и рос, стиснув зубы, под насмешки и издевательства тех, кто считал себя лучше, выше нас. Такое право им, вроде, давала светлая кожа, их вера и то, что они здесь родились. Но я знал, что, хотя они гораздо сильнее меня на улице, есть место, где лучший – я: школа.

Когда я получил стипендию для продолжения учебы в колледже, вся моя семья ожила. Родители светились от счастья, ходили с гордо поднятой головой и поминали наших предков, среди которых были и «непростые», ученые люди. Для брата я стал героем. Я думал, все, теперь я свободен, я победил эту страну, она признала меня. Я говорю на ее языке и даже решил сделать его своей специальностью в колледже. Я хотел написать для них книгу на их языке – о нас. Я понимал, что никогда не стану здесь своим, но быть проводником и уничтожить

зло, которое в них жило, я мог. Я думал, они прочитают и все поймут, и не будут больше так уверены, что им позволено делать все, что угодно.

Однажды я рассказал все это тому, кто с некоторого времени тенью ходил за мной и упорно называл меня «братом». Я не помню, откуда он взялся, как будто возник из ниоткуда. Он слушал внимательно, не перебивая. А потом спросил, так ли хорошо я сам знаю то, что отличает нас от них. «Ты хочешь стать воином правды, воином Аллаха, как тебе и велит долг. Но какое у тебя оружие? Сейчас твой меч – это знания. Есть многое, что тебе предстоит узнать. Приходи к нам, посмотри, послушай. У нас многие думают так же, как ты», - и он дал мне приглашение на курс лекций по исламу.

Не знаю, может быть, тогда я выглядел слишком потерянным. Может быть, этот «брат» понимал, что больше всего на свете мне хотелось быть самим собой и найти свое место. А может быть, и создать его. И вот я бросился строить свой собственный рай – так, как мне умело подсказывали. Все приобрело особый смысл – и многозначительные взгляды, которыми мы обменивались в толпе, и наша новая одежда, и то, как мы теперь разговаривали друг с другом.

Реальность, которую нам открывали по священным книгам наши наставники-шейхи, была яркой и беспощадной, как полуденное солнце в пустыне. В моем новом мире не было теней, все стало простым и ясным. Я думал, что так возвращаюсь к своим корням и становлюсь таким, каким должен быть, каким был создан. Вся наша жизнь, говорили нам, должна стать жертвой. Мои родители принесли в жертву свою жизнь, думал я в ответ, но из-за их решения уехать я долго не мог стать собой. И вот теперь это время пришло, и я исполню свой долг. Это ради них, ради всех нас. Они не понимают, что все, что я делаю – ради их спасения.

Конечно, они догадались, куда я хожу и с кем разговариваю. Конечно, они пытались меня остановить. Но я знал, что так и будет, «братья» предупредили. Они сказали: «Терпи. Твои близкие будут сопротивляться, потому что они не знают всего того, что теперь знаешь ты. Ты рожден для великой миссии, и им это тоже откроется, но пока что они ослеплены своим неверием. Однако в какой-то момент они все увидят и будут гордиться тобой еще больше, потому что ты преуспеваешь в истинном знании и истинной вере».

Учебу в колледже я не бросал до последнего: я не мог просто так оставить то, в чем

были годы труда – и моего, и родительского. Но пришел день, когда мне дали понять: пора собираться в дорогу. Мне сказали: «Джихад – это борьба с грехом, которая очищает тебя изнутри. Так почему же ты не хочешь вынести эту войну за пределы себя и очистить мир?» Это было для меня высшей наградой. Я поеду на родину своих предков, чтобы строить там новое Государство, очищать огнем нашу священную землю! В тот момент я почувствовал, что фронт этой войны – здесь, что он проходит лезвием через мое сердце. Эта страна, Англия, ведь тоже ведет войну, хотя и кажется такой мирной. И эта война – против нас, против всех, кто станет на ее пути – колонизации и грабежа. И ведь я видел все это в детстве, когда нас с братом прижимали к стенке и лупили до потери сознания – иногда сразу человек десять. Теперь все стало на свои места – нужно было только правильно на все посмотреть.

А дальше... Целая цепочка приключений, от которых захватывало дух и бешено колотилось сердце. И, конечно, просто нереальная удача! Одно цеплялось за другое, хитроумные схемы раскручивались, и каждый шаг был трамплином для следующего – и во всем этом я видел волю Всевышнего. Так я оказался в Ираке – оглушительное дости-

жение! Тогда я поверил, что могу почти все, раз смог добраться сюда. Наверное, это были самые счастливые дни моей жизни.

Спустя какое-то время я нашел то место, где стоял дом моих родителей – его сравняли с землей американские и британские танки. И это тоже было для меня знаком – я здесь, чтобы отомстить, сделать так, чтобы это не повторилось. Мои дни были наполнены тренировками, подготовкой и горячим воздухом, который впивался в легкие, но был таким сладким и родным! Или мне так казалось...

Потом – разноцветный фейерверк звуков, запахов и картинок. Я не могу связать все то, что было дальше – воспоминания рассыпаются, и мне их уже не собрать. Убивали я людей? – Да. Скольких я убил? – Я не знаю. Точнее, не помню. Наверное, во всем виновата «награда» – так они называли то вещество, которое показывает тебе твой рай. Если ты отличился в том, чему тебя учили, тебе дают «награду». Ты получаешь особое зрение и смотришь, как приближается твоя цель. Твой рай оживает у тебя на глазах, ты начинаешь видеть его повсюду. Я спрашивал, не запрещено ли это. Но они лишь смеялись в ответ, говоря, что древнее государство исмаилитов-ассасинов Аламут внушало ужас неверным. «Ассасины, кото-

рым их шейх Хасан ас-Сабах тоже показывал рай, были лучшими. У них есть, чему поучиться. А тебе причитается за то, что ты сделал сегодня», – так мне говорили.

После того, как я стал «воином Аллаха», мне дали миссию «посланника». Они сказали: «Мы отметили тебя и следили за тобой еще на земле неверных, потому что ты – особенный. Ты – лучший. Ты хорошо говоришь на их языке. Они тебя понимают. Ты будешь нашим голосом». Сначала я думал, что буду переводить и читать то, что дадут мне «братья», чтобы потом, через интернет, наш голос звучал во всем мире. Однако вскоре я узнал, что на самом деле им нужен был еще один «джихади Джон». Я не знаю, сколько таких «посланников» у них есть, но точно могу сказать, что «джихади Джон» – это не один человек.

Трудно ли убивать людей так, как я это делал, перед камерами? Не знаю, с чем это сравнить. Могу сказать только, что человек сразу не умирает. Если отрезать головку таракану, он еще день будет дрыгать лапами. Если отрезать головку бабочке, она будет пытаться взлететь. Если отрубить голову курице, она будет бегать, пока не упадет. А человек будет смотреть. И я могу точно сказать, что лучше никогда в жизни не видеть взгляда существа, которое ты убиваешь –

даже если это мышь, которая попалась в мышеловку - потому что это останется с тобой навсегда.

Теперь я получал «награду» и до, и после заснятых посланий. Поэтому я не знаю, делал ли все это я, или та безумная ярость во мне, которую давала «награда»: этот человек хотел разрушить мой рай, и совсем не важно, что сейчас он связан и стоит на коленях. Это – мой кровный враг, и он должен получить по заслугам.

«Награда» помогала мне быть повсюду. Я слышал, как корень акации раздвигает камни глубоко в песке, чтобы добраться до подземных источников. Я видел, как сияет на солнце черное знамя, которое «братья» установили за многие мили отсюда, как песчинки, которые приносит ветер, секут шелковые нити. Я чувствовал, как бешено колотится сердце неверного, и как, сделав пару вялых ударов после казни, замирает навсегда. Но однажды я понял, что уже не знаю, где «я», если могу быть везде – и в небе, и на земле, и под землей, в ноже, который лишает жизни моего врага, и в его крови. И вернуться в «себя» я уже не мог, как ни пытался – не получалось.

А потом... «братья» сказали, что среди них, чистых, нет места тому, кто не прошел испытание, поддался «шиитской ереси Хасана

ас-Сабаха» и утопил свой разум в гашише и опиуме. Меня должны были казнить, но почему-то дали уйти. Может быть, понимали, что мои дни и так сочтены, и что рано или поздно я попаду в руки американцев или курдов. Или так мне отплатили за труды. Наградили жизнью.

Я помню, что видел родителей – от горя их лица и волосы стали пепельно-серыми. Брат перестал улыбаться. Тогда я понял, что разрушил их жизнь - так же, как когда-то американские и британские танки. Если бы я мог подойти к ним, то, наверное, попытался бы заговорить с ними... Но вот беда: тогда я не знал, вижу ли я их на самом деле, а теперь не знаю, настоящее ли это воспоминание, или просто сон. Но я все еще вижу свой рай.

Это моя страна - свободная, справедливая, где живут по настоящим, вечным законам, которые Всевышний дал людям. Это Государство, в котором правит истинная вера. Это место, где моя семья была бы счастлива, где мои родители разговаривали бы на родном языке, и откуда им никогда не пришлось бы бежать из-за чужой войны. Это земля, на которой мог бы жить я и мои дети. Родина, для которой мы не были бы «лишними».

ПРОФЕССИОНАЛ

Я устанавливаю камеру. Дело нелегкое, дублей не будет точно, а «послание» нужно выпустить в интернетный эфир как можно скорее: зрите, мол, неверные, гнев Аллаха и трепещите, потому что ох как скоро постигнет вас такая вот кара небесная. Оранжевое и черное на раздвоенном серебристо-синем фоне, картинка затоплена солнечными лучами. Через несколько минут этот лаконичный пейзаж окрасится еще и алым: очень важно, чтобы его потоки оставались строго в кадре, не выплескиваясь в объектив. И еще надо умудриться сделать изображение предельно четким, чтобы «неверные» ясно видели, что именно их ожидает. И понимали, что намерения у нас самые серьезные, и если они – здесь и сейчас – не с нами, то точно против нас.

Со звуком еще сложнее: пришлось долго убеждать заказчиков, что действие нужно писать на многоканальный микрофон, потому что так голос нашего «посланца» прозвучит громче, а чавканье и хлюпанье ножа, орудующего в человеческой плоти, впоследствии можно будет прикрыть героическими гимнами нового Государства. Словом, проигрывая в жути, выигрываем в патетике.

Слежу за взглядом главного действующего лица – куда он смотрит? Что он видит? Глаза стеклянные, неживые, да и язык вот-вот начнет заплетаться. Пробовали запи-

сывать его «послания» отдельно, в буквальном смысле на трезвую голову, но так и не смогли добиться от него требуемых ярости и накала в голосе. Наш «джихади Джон» являл себя строго под «кайфом», когда еще чуть-чуть – и покатится с плеч долой голова «неверного». Однако в последнее время его голос начинал подплывать уже на самых первых нотах наркотика в крови. Пару раз мне удавалось спасти его, говоря, что это такой спецэффект для маскировки – тем более, что со своей основной задачей он справлялся пока вполне удовлетворительно. Но, думаю, скоро они все равно от него избавятся и найдут кого-то посвежее, в кадрах у нас точно недостатка нет.

...Моя профессиональная судьба – по основному профилю антрополога – началась неподалеку от этих мест. Поняв, что взять Ирак с разбега не удастся, в 2007 году американское командование учредило особую программу для обработки местных под названием «Система территории людей» (Human Terrain System), куда пригласили и меня. Суть программы сводилась к тому, чтобы специалисты-антропологи стелили соломку военным, вступая в контакт с населением и уговорами обеспечивая отсутствие мин-ловушек, ночных атак и иных ножей в спину. Пришлось повидать многое: и разрушенные города, и сожженные деревни, и людей – обреченных и умирающих.

Но одна картина, вроде бы не слишком выпадающая из этого ряда, до сих пор у меня перед глазами. Мы стояли тогда у маленького безвестного селеньица на окраинах Тикрита – ничем не примечательная местность, кроме того, что на тот момент имела она какое-то там особое стратегическое значение. Действовать нужно было стандартно, а именно: подготовить тех, кто еще не разбежался в ужасе перед наступающей армией Коалиции к тому, что американские солдаты погостят здесь несколько недель или месяцев. Это означало в очередной раз поведать местным легенду о благородстве наших воинов, о том, что они вовсе не так страшны, как их малюет из подполья недоосвобожденное официальное телевидение Ирака, и что бояться их просто нет смысла. Втолковывать все это следовало нараспев, вдохновенно, сочно и с максимально реалистичным произношением, чтобы у тех и мысли не возникло податься в партизаны, или позвать на помощь – по каким-нибудь неведомым каналам – остатки элитных саддамовских войск, которые, будто из-под земли, возникали то здесь, то там и много чего творили, охотясь за «вторженцами» и их оружием. Закаленные в битве за Багдад «саддамовцы» были народом остервенелым, безбашенным и буквально все потерявшим, поэтому опасаться их и в самом деле стоило.

В том селеньице никакой реальной угрозы не было – ей просто не от кого было исходить: стандартно заплаканные женщины-призраки в черном, запуганные полуголые дети и старики с каменными лицами и пустыми – от безысходности – глазами, всего несколько десятков человек. Попав в окружение их взглядов мало что вообще можешь сказать, и поначалу расписывать этим людям все прелести «демократического освобождения» казалось мне делом пустым и неблагодарным. Но – работа есть работа, я – признанный и призванный под знамена Родины профессионал, и в мои прямые обязанности сейчас входит обработка таких вот бедолаг.

Проведя с местными несколько дней и убедившись, что, кроме истового молчания и всеобщей отрешенности («делайте, что хотите»), нам ничто не угрожает, я оценил обстановку как «неопасную». Войти в селеньице мы должны были на следующее утро. Но не тут-то было: ночью на территорию нашего лагеря пробрался щенок, а за ним – и его хозяин, мальчишка лет пяти. Кто-то из наших (не уверен даже, что часовой), услышав шорохи и скулеж, не глядя (скорее всего, и не открывая глаз) выстрелил в темноту, думая, что это шакал. Потом – стычка с местными, образцово-показательный расстрел и – та самая картина. Как в старинной южной песне о суде Линча: «Странные

черные плоды раскачиваются на деревьях, странные черные плоды... Хищные птицы клюют их, а ветки, на которых они висят, обагрены кровью». Фантазия – и соответствующий приказ – нашего вконец озверевшего командира состояла в том, чтобы подвесить трупы расстрелянных на засохшем дереве, чтобы оставшимся было «неповадно» с мотыгами бросаться на мирно спящих «освободителей».

Потом программу по-тихому свернули, «гражданских» отправили по домам – каждого с личной мини-трагедией, на суд одиночества и собственной совести.

А потом, спустя несколько пустых, бессмысленных лет, меня нашли некие люди, небезосновательно считающие себя строителями новой жизни и нового же государства на де-факто бесхозных иракских территориях. Разговаривали тихо, вежливо, толково, понимая, что давить на отсутствующие у меня религиозные чувства бесполезно. Вместо этого они умело разыгрывали другие козыри: очистка моей совести за «наводку» – и гибель – их иракских «братьев по вере», причем за хорошие деньги. Нет, конечно, для меня дело было вовсе не в том, чтобы «реабилитироваться перед Всевышним», выступив в этот раз на «правильной» стороне. Просто вдруг мелькнула надежда, что «странные черные плоды» наконец-то упадут на землю и выкатятся –

ко всем чертям – из моих снов. По крайней мере, так счет сравнивается... А раз из моих талантов уже сделали оружие, не все ли равно, против кого их теперь направить. И как-то само собой всплыло в памяти лицо нашего командира, выговаривающего мне за то, что я не «предотвратил» проникновение в лагерь вражеского щенка и его шпиона-хозяина, и что вся эта мясорубка – только и исключительно моя вина.

...В итоге я стал не только кинорежиссером, но и сценаристом: опыт, знание местности, обычаев, иракского диалекта и привычка к военно-походной жизни снова пригодились. Сказано, что достоверность Сур Корана можно проверить, если попытаться – и, естественно, не смочь – написать подобное. Я не пытался. Но стиль все же передаю стопроцентно. Да и воспроизвести цветовую гамму знаменитой нашей тюрьмы «Абу-Грейб» – только наоборот – тоже было моей идеей... Проблема лишь в том, что после съемок странные черные плоды с обагренных кровью ветвей сухого дерева валяются на земле – наяву. И решить ее, как я теперь понимаю, можно лишь одним способом. Свою историю я записываю, левой рукой поигрывая с маленькой, почти невесомой трофейной «береттой» 21-го калибра. И сил у меня осталось ровно на то, чтобы, поставив последнюю в жизни точку, приставить дуло к виску и нажать на курок.

СКВОЗЬ АСФАЛЬТ

Я навсегда запомню, что такое любовь. Глядя, как кровь струится из глубокой раны на руке, представляю себе будущий шрам - он-то и поможет не забыть. Говорят, если сделать боль души реальной, физической, станет легче. Неправда. Сейчас я чувствую только жжение - и это даже не отблеск адского пламени, полыхающего у меня внутри.

Сначала я провела по руке ножом - кожа раздвинулась, и наружу нехотя выкатились три алые бисерины. Решив, что нож слишком тупой, я взяла бритву и снова, с нажимом, прочертила лезвием: на этот раз рана переполнилась мгновенно, и кровь струйкой потекла по руке. «Никогда больше! Никаких чувств ни к кому!» - лезвие я завернула в клочок бумаги, на котором было написано короткое стихотворение на урду о цветке жасмина. Его рукой.

За окном брезжит серенький мартовский рассвет, и нужно собираться в институт. Вспоминаю сон, который видела накануне: мои руки - листья, голова - закладывающийся бутон, вокруг горячий, удушающий асфальт, а под ногами - щепотка желтоватой пыли, в которую мне нужно прорасти. Миллиметр за миллиметром я раздвигаю давящую, обжигающую тяжесть и наконец прорываюсь к свету, к яркому солнцу. Где-то между сном и явью хватаюсь за мысль, что в этом, наверное, моя сила: крошить асфальт, как одуванчик, подорожник и водо-

сбор... Проверенный способ борьбы с жизнью, который меня пока не подводил.

И все же я многим обязана судьбе: второй курс престижнейшего московского вуза, любимый предмет - урду, и, самое главное, меня оставили в покое! Книжки о Пакистане, диски с фильмами (с них-то все и началось!) и учебники со словарями теперь на легальном положении. Мне не надо больше прятать их под кроватью и вставать в пять утра, чтобы позаниматься часок-другой, пока все спят... Мой мир, в котором самые близкие и дорогие оказались чужими, непонимающими: зачем тратить время и силы на редкий язык и далекую, экзотическую страну?

...На переводческое отделение я поступила с английским, а второй иностранный мне должны были дать уже в институте. В глубине души я не сомневалась, что это будет урду. За годы «прорастания сквозь асфальт» я научилась терпеть, молча надеяться, что когда-нибудь чудо произойдет, и в нужную минуту переключать сознание. Без этого я не окончила бы школу, не переварила бы всю эту геометрию с алгеброй и физику с химией. Выручала только память: я могла воспроизводить услышанное и прочитанное наизусть, часто даже не понимая, в чем смысл всех этих формул, теорем и аксиом.

А потом, за год до поступления, мне наняли репетитора по английскому: ведь на

моем языке разговаривают разве что где-то в горах и ущельях, с ним денег не заработаешь. Конечно, здесь было полегче, все-таки не ненавистная математика, но... Как бы это объяснить... Английский - это строгие серые линии, прочерченные наискось: стены домов в снегопад. Вслушиваясь в английские звуки - сдавленные и преувеличенно растянутые гласные, пересыпанные сухими, щелкающими согласными - я представляла, что кто-то играет бесконечные гаммы, не до конца нажимая на клавиши. Мой язык совсем другой - певуче-плавная вязь букв, звуков и слов, многоцветный перелив, песчаная поземка. А еще он гораздо поэтичнее, чем прославленный Хайямом фарси. И вот, наконец, сбылось: я держу в руках два ключа к вратам мудрости - западным и восточным, и могу делать с ними все, что захочу.

...Когда я встретила Амира Хана, моему счастью не было предела. Так просто не бывает: посреди Москвы наткнуться на человека из другого - моего! - мира, с которым можно разговаривать на моем языке и который меня понимал! Мы сидели в кафе и пили зеленый чай с жасмином из ослепительно белых чашек, рассказывая друг другу истории своей жизни. Я - о своих снах-путешествиях по Лахору и Исламабаду, он - о том, как приехал в Союз учиться в конце 80-х, да так здесь и остался: русская жена, дочка.

«Хотя знаешь, я скоро уеду домой. Что за работа - торговать сумками на рынке! Если бы я защитил у вас в Союзе диссертацию, то у себя уже сидел бы в правительстве. Моя принцесса взрослая, она поймет, а жена так меня ненавидит, что скоро продаст на органы. В Пакистане она не была ни разу, моих родителей даже не видела. А вот ее мать живет с нами! Вчера заметила, что в ее геранях пророс виноград - это я косточку посадил - да как вырвет, как швырнет в меня! И вот ты меня не стесняешься, приходишь, а жена сюда - ни ногой!» - долгий печальный рассказ, достойный романа. И все-то в нем было - и самопожертвование, и тоска по родной стране (которую я знала лучше, чем жестокосердная жена Амира), и холодное непонимание с выцветшей романтикой и угасшими мечтами. К чему он все это мне рассказывал, если не рассчитывал на взаимность? Спустя две недели после нашей первой встречи я, краснея и запинаясь, попыталась объяснить Амиру в любви. Он вдруг как-то сразу стал чужим, холодным и злым, наговорил мне кучу гадостей и растворился в снежных предвесенних сумерках. Я больше никогда его не видела, хотя вскоре после этого таинственного исчезновения получила смску с незнакомого номера с пакистанским кодом: «Я был в твоей жизни всего лишь странником. Береги родителей - что бы ты ни делала, как бы их ни

оскорбляла, они всегда будут с тобой и на твоей стороне».

После него у меня осталось немного – тот самый обрывок со стихом, в который я завернула свое окровавленное лезвие, и твердое желание не испытывать чувств ни к кому. Но, видно, силы воли все же не хватало – даже после того, как я устроила себе кровопускание. Кипящая пустота в сердце никак не заполнялась: не спасали ни занятия, ни фильмы, ни сны, и больше никак не получалось убедить себя в том, что мне очень повезло в жизни. Именно тогда окончательно вызрело решение принять ислам – может быть, если каждый час жизни будет подчинен определенным правилам, то в ней появится ценность и смысл? В памяти всплыли слова Амира, что каждый человек – мусульманин от рождения, и значит, мне не придется так уж много менять. Я стала носить платок и длинную одежду, еще более закрытую, чем раньше. Родителям объяснила, что это для учебы, для «полноты этнографического погружения». А по ночам – не могла удержаться! – прочесывала интернет в поисках Амира, заходя даже на пакистанские сайты знакомств.

Однажды во время своих ночных скитаний я встретила в «Скайпе» женщину, которая как будто знала обо мне все и даже больше. Чем дольше мы общались с «Умм Хатиджей» – так она себя называла – тем

больше я понимала, что могу поделиться с ней всем на свете. Она, как и Амир, была из моего мира. «О, так тебе действительно повезло! Этот человек не был настоящим мусульманином, если так с тобой поступил. И, кстати, твои родители правы: с урду ты не найдешь в России хорошей работы. Но есть один проект, в котором ты можешь поучаствовать и заработать деньги. Тогда к тебе будут относиться с уважением. Я вижу, что ты хочешь создать семью – нет-нет, понимаю, не сейчас, нужно подождать – так вот, у нас это реально. У нас каждый выполняет свои обязанности, и женщины, и мужчины, согласно природе каждого. Мы не требуем от людей невозможного. У нас нет ваших искусственных законов – все естественно, как и должно быть по шариату», – сказала она. Я догадывалась, о каком «проекте» идет речь, но почему-то не смогла сразу же ответить «нет». И потом, она была права: здесь я белая ворона, не такая, как все. Кому нужны мои мечты, сбывшиеся, или нет?

Умм Хатиджа не вынуждала меня принять решение немедленно, но время от времени возвращалась к разговору, а потом даже стала присылать работу: небольшие тексты – фетвы с комментариями. Мне нужно было переводить их с английского на урду и русский. За деньги на электронный счет. Она хвалила меня и говорила, что очень мной

гордится. От этих ее слов жизнь понемногу стала обретать смысл, и это было гораздо важнее тревожных мыслей о том, кому – и кого! – я перевожу.

Постепенно общение с Умм Хатиджей превратилось в наркотик, без которого я уже не могла обходиться. А она придумывала все новые и новые способы меня порадовать: стали приходить не только переводы и деньги по интернету, но и небольшие подарки по почте. Я каждый день ждала нового сюрприза и, счастливая, лихорадочно вскрывала желтые конверты, в которых оказывались интересные – нескучные! – книги об исламе, украшения, духи, косметика, шарфики, а один раз – после особенно удачно сделанного перевода – и изящно оформленный экземпляр Корана. И вот как-то раз из очередного подарочного конверта выпал заграничный паспорт, приглашение на переводческую стажировку – правда, почему-то в Турцию, а не в Пакистан – и билет на самолет. Я поняла, что пути к отступлению отрезаны. Наверное, нужно было сопротивляться, сразу же оборвать все контакты, куда-то бежать, кому-то рассказать... Но в тот момент я могла думать только о том, что наконец-то мой мир станет частью огромной Вселенной – Исламского Государства.

...В стамбульском аэропорту меня встретила Умм Хатиджа, и мы сразу же отпра-

вились в городок на границе с Сирией. «Не боишься? Не жалеешь?» – спросила она по дороге. Я покачала головой. Переправа из Сирии в Ирак, из одной военной зоны в другую, была тяжелой, но всё выдержать было теперь для меня делом чести. Мои труды не пропали даром: я входила в эту новую реальность, как горячий нож в масло. Умм Хатиджа была рядом – советовала, подсказывала, открывала тайные двери. Когда, наконец, мы приехали на место, мне снова дали переводы, но теперь это уже были длинные лекции-проповеди для сайтов. А еще раз в неделю я готовила для бойцов особую смесь из гашиша и опиума, добавляла ее в чай, разносила и должна была убедиться, что каждый обязательно выпил. Это называлось «наградой».

Так продолжалось месяц. Однажды Умм Хатиджа подошла ко мне и сказала, что скоро выдаст меня замуж: «Ты хорошо работаешь, тобой довольны, поэтому решили сделать тебе подарок. Ты можешь сама выбрать себе мужа. Не всем так везет, так что смотри внимательно. Ищи среди тех, кому ты подносишь чай», – подмигнула и улыбнулась. Я промолчала. Мне вспомнилась сказка «Калиф-аист», где волшебный порошок превращал людей в животных. А ведь я тоже готовлю такой порошок, и делаю так, что никогда, никогда эти люди не вспомнят заветное слово «мутабор» и не смогут стать

собой... И те, что прочитают мои переводы и поверят всему, что написано, тоже...

Когда пришло время сделать выбор, я подошла к Умм Хатидже и сказала, что не могу. «Мммм... в исламе нет принуждения, но в Исламском Государстве есть закон. Если ты не хочешь, я не буду тебя заставлять, но в этом случае ты должна будешь выполнить более высокую миссию – умереть во имя Аллаха. Ты готова?» - «Да». - «Тогда слушай. Твое правительство предлагает нам за тебя неплохие деньги, да и родители тебя не забыли. Мы обязались передать им тебя на сирийской границе. Там и тогда ты исполнишь предназначенное». Отчасти я была даже рада: не придется возвращаться туда, где всегда было тесно и холодно. Но унести жизни родителей, которые добивались моего возвращения (прав был Амир: «Они всегда будут с тобой и на твоей стороне») – этого бы я не смогла. В итоге выяснилось, что настоящей целью были совсем не они («пусть живут с гордостью, что их дочь стала мученицей во имя Аллаха»), а один из КПП. Мне нужно подойти к шлагбауму и взорвать пояс – мощности должно было хватить и на сторожевую башню, и на солдат.

...Когда настал тот самый день и час, пояс показался мне неожиданно тяжелым, почти удушающе-тянущим и почему-то горячим. Но через двадцать шагов все будет конче-

но – нужно только нажать на кнопку. Сознание ускользало – несмотря на протесты, меня все же одурманили перед тем, как выпустить из машины – но я понимала, что отчаянно пытаюсь нащупать какое-то воспоминание из прежней своей жизни... Это как-то связано с растением, с цветком... Одуванчик, подорожник, водосбор... Прорасти сквозь асфальт, к солнцу, скорее! Я сделала еще пару шагов к шлагбауму: уже совсем близко, видно застывшее, бледное лицо сирийского солдата – и подняла руки вверх. Он понял и успел махнуть остальным – «Ложись!» Зачем? Ведь взрыва не будет, я не смогу нажать на кнопку, у меня подняты руки... Я замерла не месте. Время тянулось невыносимо, и тогда я медленно опустила глаза. И в ту же секунду заметила, как под одеждой, сквозь блестящую черную ткань, запульсировала ярко-алая точка – датчик радиосигнала. Еще доля секунды – и оглушительный высокий звук сбил меня с ног. Я прорастаю к солнцу. Огненному, жестокому, разрывающему солнцу.

«Не творите на земле зла, распространяя нечестие!» (Сура 2, Бакара, 60)

Истинный ислам и терроризм несовместимы. ИГИЛ, заявляя о себе как об «исламском государстве», дискредитирует мусульман и выставляет их кровожадными варварами в глазах всего мира.

Новоявленные «джихадисты» не спешат бороться со злом, которое носят внутри себя, но берутся судить, что правильно, а что нет, и вершат скорый суд над теми, кого они посчитали «неверными». Они презируют человеческую природу, иначе не гордились бы своими преступлениями и не записывали бы их на видео – убийства, трупы, оставленные разлагаться на солнце, игры в футбол отрезанными головами. Они не желают учиться и слушать других, потому что считают, что уже познали ислам до конца, а верят только собственной лжи. Им легче убить несогласных, чем найти в себе мужество услышать правду, допустить мысль о том, что они – всего лишь люди, которые могут заблуждаться.

Говорят, чудовища не выносят зеркал и разбивают их, чтобы не умереть от ужаса, увидев собственное уродство. В июле 2014 г. игиловцы казнили в иракском городе Мосуле 12 улемов, которые в своих проповедях открыто называли их террористами, причем казнь состоялась рядом с мечетью. Как можно считать людьми тех, кому легче убить других, чем выслушать их? Разве те, кто объявил себя «знатоками» ислама, не знают, что «Аллах сделал грехом как пролитие вашей крови, так и пролитие крови друг друга?» А может быть, легче придумать свои хадисы, по-своему перетолковать аяты и издать свои фетвы, забыв, что Посланник Аллаха сказал: «Приписывание ложных слов мне не подобно приписыванию ложных слов другим людям. Пусть

преднамеренно оболгавший меня готовит себе место в Огне?»

126 мусульманских ученых-улемов, пользующихся заслуженным авторитетом во всем мире, в 2014 г. составили открытое Письмо, в котором подробно, пункт за пунктом, объясняют, почему идеология ИГИЛ – ложь. Самый влиятельный институт в области ислама в Египте, совет по фетвам Дар-уль-Ифта, призвал всех отказаться от словосочетания «исламское государство» в отношении ИГИЛ, предложив вместо этого называть группировку «Подстрекатели Аль-Каиды в Ираке и Сирии».

Красивые лозунги и извращенная идеология нужны ИГИЛ для того, чтобы бороться за власть, причем чужими руками – руками рабов, тех, кого не жаль, чья жизнь и кровь ничего не стоят. Без колебаний отправляя людей на смерть, делая из них живые бомбы, они снова забывают слова Корана: «Не убивайте самих себя (друг друга), ведь Аллах милостив к вам» (Сура 4, Ниса, 29).

Кровавый спор между ИГИЛ и всем миром может продолжаться еще очень долго, особенно если террористам будет позволено продолжать использовать их главный аргумент – убийства, насилие и прочие преступления. Но, в конце концов, будущее ислама, торжество морали, этики и общечеловеческих ценностей зависит в первую очередь от самих мусульман. Человечество уже получило истинные откровения Всевышнего, как и свободу воли, и теперь выбор за каждым – закрыть глаза на очевидное и поверить в то, что просто и удобно, или же постоянно самосовершенствоваться и учиться, чтобы дать отпор жестокости и невежеству и – спасти мир! Пусть дозволенной остается игра в мяч, но только если действительно играют кожаным мячом, а не отрубленными головами.

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА ИГИЛ

Белая вязь на черных флагах, пророчества из древних книг, золотые динары и мерцающие пески: сделав ставку на мистику и псевдогероизм, ИГИЛ невольно выдает себя с головой.

Например, черные флаги в Средние века и в Европе, и на Руси вывешивали там, где свирепствовала чума, «черная смерть». О «сверхъестественной» природе этой болезни в русских летописях писали так: в лето 6600 г. (1092 г.) «предивное было чудо в Полоцке: ночью слышали цокот; со стоном, будто люди, по улицам рыскали бесы. Если кто выйдет из хоромины, желая их видеть, того невидимо уязвляли бесы, и оттого он умирал. И не смели люди выходить из хором. ... Люди говорили, что души скончавшихся убивают полочан...».

А вот настоящее средневековое пророчество из книги мусульманского ученого Нуаайма ибн Хаммада аль-Марзави «Аль-Фитан» («Смута»): «Как только вы увидите черные флаги, не покидайте свои дома. Припадите к земле и не шевелите ни руками, ни ногами. Придут люди, слабое племя, недостойное вашего внимания. Их сердца будут черствыми, как железо. Богатство и вла-

дения – это всё, чего они желают. Они не выполняют своих обязательств и не держат данного слова. Они призывают к истине, хотя сами не являются людьми истины. Они называют друг друга по прозвищам, а имена берут по названиям городов и сел, из которых вышли. Волосы у них длинные, как у женщин. Придет время, и между ними возникнут распри, и истина, наконец, будет установлена».

Оба текста призывают людей не выходить из своих домов, чтобы не заразиться, встретив некое бедствие – злых духов, сеющих смертельную болезнь, или же «слабое племя», в котором угадываются сегодняшние боевики ИГИЛ – с длинными волосами и «фамилиями» типа «Аль-Багдади» (т.е., «выходец из Багдада»), «Аль-Заркави» («житель Зарки», города в Иордании), или «Аль-Туниси» («тунисец»). О том, что они «не являются людьми истины», уже много лет твердят мусульмане всего мира и настойчиво призывают не называть группировку «исламским государством».

Мифы и символизм очень важны для ИГИЛ: ссылаясь на легендарный халифат, существовавший на заре ислама, террористы пытаются придать много-

значительности и «законности» своему кровавому проекту. Убийства и прочие преступления они оправдывают некоей «избранностью», хотя на самом деле пытаются или подогнать под себя откровения о конце света, или войти в одну реку дважды, воссоздав в наше время средневековые порядки. Но ведь пророчества не сбываются насильно, а художественные игры в далекое прошлое не могут зайти дальше реконструкции.

Да и что за «государство» строит ИГИЛ?

Основы этого «земного рая» - идеология, построенная на извращенном толковании Корана и других священных книг ислама, культ убийства, рабства и грабежа. Бессмысленная гибель людей подается как «мученичество», отрубание голов – как победа над врагом (хотя этот самый «враг» - всего лишь безоружный журналист, «несогласный» имам, христианин или езид), а торговля людьми – как дело не только «дозволенное» (т.е. законное), но и вполне справедливое. Главное – придумать объяснение и убедить себя в нем, отгородившись от

реальности.

Лидеры ИГИЛ почему-то считают, что такое вот «государство» будет существовать в неизменном виде веками, если не тысячами. Однако их предприятие – не более чем жестокий социальный эксперимент, в котором просматриваются все те же «болезни», которыми мировое сообщество давно переболело. Не что похожее еще в середине прошлого века описал в «Повелителе мух» У. Голдинг: «Джек выпрямился. С ножа капала кровь. Двое мальчиков стояли лицом к лицу. Сверкающий мир охоты, следопытства, ловкости и злого буйства. И мир настойчивой тоски и недоумевающего рассудка».

А что могут дать игиловские «управленцы» общемировой политической традиции? Они почему-то совершенно уверены, что мрачный вид, черные одежды, окладистые бороды, угрожающе поднятые указательные пальцы и речи как на траурных митингах – единственный и универсальный формат подачи себя и своих идей. Для тех, кто не верит сразу, пытается предложить что-то свое, или хотя бы высказать другое мнение, предусмотрено наказание – смертная казнь.

Для ИГИЛ это – самая надежная гарантия признания их идей всеми и самый сильный аргумент в пользу их «правоты».

И все же строители этого нового «государства» забывают, что имеют дело с человеческой природой, которую нельзя изменить по собственному желанию, просто насаждая страх. Слепая вера и первобытный азарт неизбежно сменяются тоской и стремлением к побегу из этого средневекового заповедника, где само время остановилось.

То, что ИГИЛ пользуется современными технологиями, еще не говорит о стремлении к развитию. Это или способ создать качественную иллюзию для новых бойцов, или средство против побегов. А новые бойцы нужны ИГИЛ постоянно, ведь это – расходный материал, максимальная продолжительность жизни которого – 2 года. Если же тем, кто использовал свой билет до «рая», все же удастся бежать, ИГИЛ выставляет в интернете видеосвидетельства преступлений, ранее совершенных беглецами. И никакая черная маска не спасает, особенно если в кадры вглядываются матери, не теряющие надежду найти своих пропавших сыновей.

* * *

Конечно, чему верить – дело каждого человека. На то мы и мыслящие существа, имеющие свободу воли. На любой аргумент можно найти контраргумент, на каждое пророчество – или подобрать противоположное, или придумать собственное, или поэкспериментировать с толкованием. Но нельзя закрывать глаза на правду ради веры в сверхъестественное. Ведь в конце концов, и чума с ее «мистической» природой победили совсем не средневековые мифы и легенды.

ПРОРОЧЕСТВА? ПРОСТО БИЗНЕС!

Ложным пророчествам для осуществления нужны средства, и значительные. ИГИЛ имеет множество источников дохода, как внутренних, так и внешних. На оккупированных территориях группировка добывает нефть, торгует людьми, распродает артефакты и экспериментирует с налогами и поборами – уже введена дань «за неправильную веру», «джизья». Извне в ИГИЛ поступают вливания от многочисленных благотворительных фондов из стран Персидского залива, которые вроде бы и догадываются, куда идут их деньги, но никогда открыто в этом не признаются. Существуют и более-менее правдоподобные истории о том, что ИГИЛ благоволят и на Западе, особенно в США, перечисляя на счет группировки круглые суммы. При этом «прогрессивные» террористы активно тестируют виртуальную валюту биткойн, из-за чего отследить их финансовые потоки практически невозможно.

Но вот что интересно: игиловская бизнес-этика прямо противоречит чистоте их средневекового эксперимента. Могла ли существовать в Средние века нефтяная промышленность, да еще и с такими продвинутыми технологиями по добыче и переработке? Взрывая ненавистных идолов, не стоит ли уничтожать их до конца, а не

торговать их головами, чтобы ересь не расползалась по миру? Как можно прибегать к «нечистым» изобретениям «неверных», типа интернета и биктойнов, и принимать деньги от врагов? Наконец, хотя рабство и торговля людьми и вписываются в средневековый уклад, зачем всё это в совершенном государстве, «идеальном халифате», где царит лишь истина?

На самом деле главная валюта ИГИЛ – не деньги, не нефть и не ценности, а человеческие жизни и таланты. За заложников можно взять выкуп, или, в случае неудачи, использовать их в качестве живых мишеней для показательной казни. Перед рабами и рабынями у хозяев нет, и не может быть никаких обязательств, а для захвата и порабощения можно использовать любой предлог: «нечистоту» веры и крови, пол, возраст...

На талантах, как и на захваченном населении, тоже можно паразитировать. Логика проста: лишь «хозяева» решают, что нужно «великому халифату», поэтому продолжительность жизни классных профессионалов, нанятых ИГИЛ, определяется сиюминутными нуждами лидеров «государства» и ничем больше. Если завтра ИГИЛ решит уволить – за ненадобностью – переводчиков с арабского на японский, то никаких «золотых парашютов» за знание двух экзотических язы-

ков и безупречное служение рискованному «делу» точно не будет: за эксклюзивный доступ к материалам группировки придется расплачиваться собственной жизнью. А если невообразимо эффективный боевик неарабского происхождения слишком уж резво продвигается по иракским или ливийским пескам, захватывая все новые территории и являя чудеса жестокости, то его успехи рано или поздно будут восприняты как угроза власти лидера. И тогда не спасет ни мастерство, ни компетентность, ни верность долгу: «ясновидящий халиф» распознаёт предателя еще до того, как тот успел помыслить о предательстве. В общем, ничего личного, одно лишь всеобщее благо.

Если террористам из ИГИЛ будет позволено продолжать в том же духе, то скоро на священных древних землях, где зародилась цивилизация, не останется ни одного памятника и ни одного настоящего хранителя местных языков и традиций. Профессионалы, добровольно предавшие себя в руки ИГИЛ, лишаются возможности работать на себя, а не на головорезов и/или арабских шейхов, и без того богатых. Они не совершат свои открытия, занимаясь вербовкой и - в том или ином виде - оттачивая методы убийства. ИГИЛ лишает людей будущего, потому что относится к ним не

как к мыслящим существам, которые могут развиваться и заслуживают поощрения и продвижения по службе, а как к боеголовкам. Иначе зачем ИГИЛ целый штат рабов, смертников и смертниц, если предполагается, что перед их идеями и так не может устоять ни один человек? И, наконец, что будет с нефтяными месторождениями, если ИГИЛ – по идеологическим соображениям – вдруг решит отказаться от современных технологий при добыче и «уволит», отправив на небеса, всех специалистов? Масштаб такой катастрофы-трагедии – и человеческой, и экологической – даже трудно себе представить.

Сейчас большинству из нас фраза «земля стонет» кажется всего лишь красивыми словами. Но это самое короткое пророчество, которое может сбыться само по себе, не требуя никаких искусственных вливаний – ни финансовых, ни человеческих.

ВАС ВЕРБУЕТ БАНДА ПРОФЕССИОНАЛОВ

Для поддержания мрачной славы и привлечения все новых кадров «расходного материала» ИГИЛ вкладывает огромные средства в медиа-технологии и психотехники. На самом деле обещанный «рай» заканчивается на стадии вербовки, а значит, иллюзия захватывающих приключений и «красивой жизни» в ИГИЛ должна быть особенно качественной и правдоподобной. К тому же профессионально отснятые видео помогают не только привлечь новобранцев, но и убедить самих игиловцев в реальности «халифата»: постоянно твердя о «правдивости» мифа, лидеры группировки не только грозят «неверным», но и предотвращают внутренние восстания. Ставки на спецэффекты настолько высоки, что уже и неясно, где подлинные «подвиги» ИГИЛ, а где – постановочные, поэтому группировку часто сравнивают с мощным киноконцерном. Так где же бескомпромиссное стремление к истине?

Как и игиловские режиссеры, вербовщики группировки отлично владеют психологическими приемами и тщательно подбирают кандидатуры. Специальность и образование очень важны, но в первую очередь вербовщиков интересует личность нового «брата», его индивидуальные особенности и характер. Заводя разговоры о «запретном», вер-

бовщики сильно рискуют, поскольку так или иначе обнаруживают себя и выдают своих хозяев. Поэтому перед первым контактом они собирают и анализируют всю информацию о человеке, которую только могут найти, действуя на расстоянии. «Неважного» для них нет, в поле зрения попадает абсолютно все, поэтому соцсети, блоги и интернет-форумы для них – ценнейший источник.

Подбирая «персонал» для нужд ИГИЛ, вербовщики изучают рассуждения о жизни, результаты онлайн-тестов, комментарии и все, что раскрывает личность человека. Кроме этого, им интересны политические и религиозные взгляды потенциальной жертвы, ее отношение к деятельности ИГИЛ (терактам, и т.д.), а также недовольство существующим порядком (насколько «справедлив» или «несправедлив» этот мир, «правильно» ли себя ведет государство, и т.д.).

Задуманная беседа с «новым другом» у вербовщика может завязаться и вживую, и в интернете. Уставшего от «равнодушия общества» человека приободряют, окружают вниманием, похвалят за желание бороться с несправедливостью и посоветуют – мягко, но настойчиво – приобщиться к исламу как единственно верному способу изменить этот несовершенный мир. Вместо реальных

основ религии, однако, потенциальному новобранцу предложат извращенную идеологию, построенную на культе насилия – и чем больше в рекомендованных книгах и статьях призывов к «джихаду» и «очищению Вселенной» от кого угодно, тем больше вероятность, что интерес исходит именно от исламистской террористической группировки.

При более близком знакомстве и постоянном контакте вербовщик постепенно «раскрывается», подчеркивая «родство душ»: он или пережил то же, что и новобранец, или имеет ту же профессию, или тоже был разочарован укладом жизни, но нашел выход – для каждого случая припасена правдоподобная легенда. Следя за реакцией нового «брата» на эти рассказы, вербовщик делает окончательные выводы о его личности и характере, выявляет его «слабые места» и обнаруживает проблемы. Эта информация нужна ему для того, чтобы создать более глубокую привязанность к себе и своей группировке, а также, при необходимости, использовать для шантажа.

Затем следует или «проверка» - участие в онлайн акции под наблюдением куратора – или сразу же предложение отправиться в дальние страны «завоевывать мир». Формальное приглашение в ИГИЛ может и не

озвучиваться: считается, что с момента контакта с вербовщиком жертва уже участвует в деятельности группировки, а значит, и является ее членом. Другими словами, официальное согласие того, кого ИГИЛ уже считает своей собственностью, не требуется.

* * *

Манипулятивные техники вербовщика направлены на то, чтобы полностью изменить личность жертвы, внушить ей новые ценности, заставить ее жить в мире иллюзий и самообмана и, когда придет время, просто перестать существовать. Бывает так, что самопознание на глазах всего мира в интернете открывает двери ложным друзьям, которые воспринимают людей не как личностей, а как своих рабов и постоянно ищут новые винтики с нужной резьбой для своей системы – взамен тех, что так быстро изнашиваются. А потерянную жизнь не заменит никакая видеосказка о «джихаде». Даже самая реалистичная и красивая.

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ РЕБЕНОК...

Угроза, исходящая от ИГИЛ, реальна. Террористы калечат судьбы, отбирают жизни и, что страшнее всего, лишают людей воли, меняя их личность. Дети и подростки с их духовной гибкостью и не до конца сформировавшимися представлениями о социальных и культурных нормах, часто не способные сделать правильный моральный выбор самостоятельно, как нельзя лучше подходят для главной идеологической цели ИГИЛ – создание «халифата» насилия. Именно поэтому лидеры группировки уделяют детям и подросткам особое внимание, создавая тренировочные лагеря «молодых львов», куда будущие боевики попадают в пятилетнем возрасте, чтобы уже в 13 отправиться на фронт. Ужасающих примеров множество: и видео, на котором шестилетний ребенок ползет под колючей проволокой, уворачиваясь от пуль с криком «Аллах акбар!», и кадры, где «дети-джихадисты» из Казахстана демонстрируют мастерское владение оружием и клянутся убить «всех неверных», и игры в футбол человеческими головами.

ИГИЛ прикладывает максимум усилий для создания новой этической системы координат, рассчитанной на многие поколения граждан «халифата», в которой жестокость не только приемлема, но и по-

ощряется, поэтому для группировки нет слишком маленьких. «Расчеловечивание» происходит при активном участии родителей: на выложенной в интернет фотографии семилетний ребенок держит отрубленную голову, а рядом его отец-боевик позирует перед камерой, явно гордясь «доблестью» сына. То, насколько устойчиво такое «воспитание», показано, например, в документальном фильме НТВ «Беглецы из ИГИЛ». Курдский мальчик-езид 5-6 лет, проведя в ИГИЛ 9 месяцев, почти забыл родной язык, веру и культуру. Зато научился говорить по-арабски, совершать намаз (не очень при этом понимая, что он делает и зачем) и владеть автоматом не хуже профессионального военного. Даже спустя недели по возвращении из плена он играет, копируя движения боевиков, марширует, вскидывая руку вверх и угрожает или убить всех своих родственников, или отдать в ИГИЛ, где их «научат молиться».

Без подобного «кондиционирования» ИГИЛ вряд ли удавалось бы штамповать смертников. Однако к счастью исходная личность разрушается не мгновенно, а новой, насажденной, требуется какое-то время, чтобы прижиться. Идеология ИГИЛ имеет яркие культурные маркеры, связанные с тематикой мусульманского Востока.

Экзотический псевдоисламский колорит – это одна из ее самых привлекательных черт и вместе с тем – слабое место. «Истинному моджахеду» предписывается носить бороду и длинные волосы, одеваться в длинные однотонные одежды и обходиться без нижнего белья. Его достойная спутница обязана максимально скрывать свое тело и ходить с покрытой головой. Соответственно, если человек начинает усваивать новые культурные нормы, резко отличающиеся от тех, в которых был воспитан, это обязательно сказывается на его внешнем виде, выборе одежды и поведении. Появляется нарочитая скромность – как бы вызов «миру, погрязшему в грехе неверия», человек становится «тихим», но при этом чувствуется, что он все время возбужден и пытается справиться с собой, например, перебирая четки и проговаривая что-то на другом языке. В его речи появляются обороты, явно заимствованные из другого культурно-религиозного кода, типа «хлебом клянусь», «иншалла», «Всевышний сказал», и т.д., причем употребляет он их безо всякой иронии. Такие изменения довольно сложно не заметить. Если к тому же ребенок или подросток начинает уверенно цитировать Коран, к месту и не к месту поминая «священные книги», скорее всего, он находится в постоянном контакте

с людьми, которые настойчиво прививают ему другую культуру.

Чем глубже погружение в псевдорелигиозную идеологию, тем больше склонность к самовнушению и немотивированная убежденность в собственной правоте. Человеку уже не нужны «наставники», которые уговаривали бы его поверить – это он делает уже сам; «наставникам» остается лишь время от времени поощрять его и подтверждать «верность» выбранного им пути, а также давать «задания» все возрастающей сложности – вплоть до самоубийства. Самовнушение приводит к изоляции от внешнего мира, которую «наставники» преподносят как «избранность»: в результате происходит окончательное зацикливание на самом себе и насажденных идеалах и ценностях. Вывести человека из этого состояния без помощи психолога чрезвычайно трудно. «Новая» личность закрепляется окончательно, а разрушение исходной убыстряется, что в итоге приводит к потере ребенка для родителей и общества.

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

- Важно не упустить момент перехода на «темную сторону», поэтому надо очень внимательно и серьезно относиться к любым изменениям в поведении – в том числе и речевом. Чтобы предотвратить беду, иногда бывает достаточно откровенной и спокойной беседы «на равных», чтобы ребенок раскрылся и рассказал вам о своих новых увлечениях или знакомых. Любой секте или террористической организации нужно как можно больше новых членов, поэтому «новообращенные» поначалу охотно рассказывают о том, как им хорошо в новой общине с новыми друзьями, выполняя таким образом задание вербовщиков делиться сокровенным с близкими людьми, заслуживающими доверия. Этот период, однако, как правило очень короткий, потому что затем нового члена организации всеми силами ограждают от привычной среды – дом, семья, школа или институт.

- Постарайтесь провести собственное расследование, получив от сына или дочери хотя бы какую-то информацию – огромное количество материалов доступно в интернете, поэтому вы составите хотя бы общее представление о том, что именно так впечатлило вашего ребенка.

- Пообщайтесь с преподавателями или

учителями – возможно, они заметили что-то необычное. Не исключено, что «иншалла» и цитаты из Корана – хорошо выученный урок по религиоведению, который ребенок решил «примерить» на себя, но убедиться в том, что все в порядке, не будет лишним.

- **Если все же вы чувствуете, что основания для опасений есть, позвоните на «горячую линию» Общественной палаты по бесплатному номеру телефона 8-800-700-8-800 (пн-чт с 9:00 до 18:00, пт - с 9 до 16:45 МСК) либо напишите обращение в электронном виде на официальном сайте Общественной палаты www.oprf.ru. Все поступающие обращения тщательно обрабатываются в координации с профессиональными психологами, Национальным антитеррористическим комитетом, правоохранительными органами.**

- Помните, что логика «этого не будет, потому что не может быть никогда», «не с моим ребенком» и «это все далеко и не с нами» неприемлема! ИГИЛ всерьез занимается строительством нового мира, поэтому в ход идет любой «человеческий материал», который они могут подчинить себе. С появлением интернета границы в буквальном смысле перестали существовать, и возник-

ло пространство, в котором любая информация распространяется мгновенно: отдаются и исполняются приказы, рассылаются инструкции и пропагандистские материалы, поэтому научить вашего ребенка, как убежать из дома, террористам не составит особого труда - у них уже существуют проверенные схемы.

ЕСЛИ УЖЕ СЛУЧИЛОСЬ...

Если ваш ребенок ушел из дома или у вас есть подозрения, что он завербован террористами, НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО обращайтесь в любое ближайшее отделение полиции, причем не обязательно в то, к которому вы приписаны, хотя это и желательно.

С собой нужно взять:

- свой паспорт или иной документ, удостоверяющий личность;
- документы пропавшего человека;
- желательно иметь недавнюю фотографию пропавшего в обычном его виде и обычной одежде.

- Попытайтесь вспомнить, во что был одет пропавший, а также проверьте, не взял ли он с собой свои личные вещи. Это может существенно ускорить розыск.

Сразу же после вашего обращения в полицию будет осуществлен весь комплекс поисковых мероприятий. Этим занимается специализированное подразделение полиции – уголовный розыск, сотрудники которого имеют специальную квалификацию и опыт работы, что позволяет им выполнять самые сложные алгоритмы розыска. В случае необходимости полиция связывается с территориальными подразделениями ФСБ, пограничными ведомствами, Национальным бюро Интерпола в России или Центральным бюро Интерпола. Включаются не только российские, но и международные механизмы розыска.

- На фоне участившихся терактов и общей активизации ИГИЛ в различных странах мира бывшие рекруты вряд ли могут рассчитывать на то, что в обществе их будут воспринимать как «жертв», которые, оказавшись под чужим влиянием, не ведали, что творили.

Помогите своим детям построить будущее без убийств и трагедий – никто не сделает этого лучше вас.

Помните, что участие в террористической деятельности является преступлением

(УК РФ, Статьи 205-208, 280-284),

которое карается различными сроками лишения свободы

لا إله إلا الله

الله
رسول
محمد